

18+

Александр Марс

КЛИПОВЫЙ РОМАН: ПРИМЕРЫ НОВОГО ЖАНРА

Манифесты, тексты, теория

Александр Марс

**Клиповый роман:
примеры нового жанра.
Манифесты, тексты, теория**

«Издательские решения»

Марс А.

Клиповый роман: примеры нового жанра. Манифесты, тексты, теория / А. Марс — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Клиповый роман, клиповая литература — А. Марс рассматривает примеры нового жанра и направления. В книге публикуются манифесты А. Марса «Клиповый роман» (2024) и «Клиповая литература...» Также даются теоретические обоснования этого нового явления Книга содержит нецензурную брань.

© Марс А.

© Издательские решения

Клиповый роман: примеры нового жанра Манифесты, тексты, теория

Александр Марс

© Александр Марс, 2026

ISBN 978-5-0071-1925-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Александр Марс Вальд

Клиповый роман: примеры нового жанра

Манифесты, тексты, теория

Клиповый роман The Clip Novel Манифест Manifesto

Клиповый роман — это творческий результат клипового мышления автора в тексте. В клиповом романе много героев, фрактально разветвленных фабул, сюжетов, событий и явлений. Имеющиеся лакуны при этом дополняются домыслами читателя. Клиповый роман — это единое целое как, изначально, судьбы маленького человека, так и, в целом, исторической эпохи его народа, распространяющегося по всему и виртуальному, и реальному миру как в цифровом виде, так и физически. Автор, вперед!

The Clip Novel is the creative result of the author's clipped thinking in the text. In the Clip Novel there are many characters, fractally branched stories, plots, events and phenomena. The existing lacunas are supplemented by the reader's speculations. The Clip Novel is a unified whole of both, initially, the fate of a small man and, in general, the historical epoch of his people, spreading throughout the virtual and real world both digitally and physically. Forward!

Манифест клиповой литературы. Литературный клипизм

Искусственный интеллект стремительно внедряется во все стороны жизни человечества, неминуемо приближая его конец как господствующего вида. Клиповая литература — клиповый роман и клиповая поэма — как нельзя лучше отражает этот процесс, в очередной раз подчеркнуто-последнее: раскрывают суть его мелкой, убогой частицы — «маленького человека» — в бесконечной, бесплодной борьбе за убогое существование. Клиповая литература — выражение клипового мышления автора, опосредованно — персонажей и самой их клиповой жизни в тексте.

На смену сытому благосостоянию и «американской мечте» приходит реальность беспроектного и бессмысленного существования: безбудущности, безличности, беспотомственности. Но есть и утешение всему этому — клиповая литература, фрагментарная, динамичная, развлекающая в данный момент, сейчас и здесь.

После нас — хоть ядерная катастрофа и диктат искусственного интеллекта: все к тому идет. Дайте нам сейчас наш клиповый текст, нашу булку с маслом голодного на эмоции, сиречь гормоны, клип-эго!

Александр Марс Вальд (С) 25.05.2025

Примеры: Манифест «Клиповый роман» (2024), Клиповый роман «Карликовое двуглавое» (первое издание 2025), клиповый роман «Сага о Печки и его друзьях» (2025—2026), клиповый роман «Новые инопланетяне» (2022—2024), клиповая поэма «01012010» из книги «Перемирие и война» (2024) и другие.

Manifesto of Clip Literature. (Literary Clipism).

Artificial intelligence is rapidly permeating every aspect of human life, inevitably hastening the end of humanity as the dominant species. Clip literature — the clip novel and the clip poem — reflects this process perfectly, once again emphasizing the ultimate: revealing the essence of its petty, wretched particle — the «little man» — in an endless, fruitless struggle for a wretched existence. Clip literature is an expression of the author's clip-based thinking, and indirectly — of the characters and their own clip-based lives within the text.

In place of affluent prosperity and the «American Dream» comes the reality of a bleak and meaningless existence: a futureless, faceless, childless life. But there is consolation in all this — clip literature, fragmentary, dynamic, entertaining in the moment, here and now.

After us — let there be a nuclear catastrophe and the dictatorship of artificial intelligence: everything is heading that way. Give us now our clip text, our bread and butter of the emotionally starved, that is, hormones, the clip-ego!

Alexander Mars Wald (C) 05/25/2025

Examples: The «Clip Novel» Manifesto (2024), the clip novel «The Dwarf Two-Headed» (first edition 2025), the clip novel «The Saga of Pechka and His Friends» (2025—2026), the clip novel «The New Aliens» (2022—2024), the clip poem «01012010» from the book «Truce and War» (2024), and others.

Из клипового романа «Неприкаянные. Сага о Печки и его друзьях».

Текст 57

17 октября НН-года Печки сотоварищи возвращался с так называемой «картошки», в ходе которой студенты МГУ помогали колхозникам убирать урожай. Автобусы мчались к Москве от совхоза «Бородино» Можайского района, и из них на всю округу гремела песня: «Дыр-дыр-дыр, еб твою мать». Гимн международного отделения. Заправлял всем ором Игорь Бояринов, редкостный разъебай и волокита. Бывший актер, а ныне студент группы «Радио». Ребята провели в полях полтора месяца и теперь готовились к свободным пьянкам и любовным похождениям, а, говоря по-простому, к ебле. Давно слетели желтые листья с тонких берез, и иней по утрам покрывал чахлые останки картошки — пищу российских богов, забытую в разрытых студентами грядках.

Пели молодцы на сухую: водки не было, не говоря уже о пиве. Но вчера, вчера в бывшем пионерском лагере лютовали. Накануне десять международников получили гонорар за разгрузку удобрений и угостили все отделение на славу. Начальство, вжавшись в кровати, вздрагивая, слушало дикие крики откуда-то снизу, с футбольного поля, поперек которого пылало выложенная чем-то горючим слово «ПИЗДЕЦ». Было что вспомнить: это лихое время! — и Печки, и его друзьям.

Описанное не уложится и на ста страницах. Для многих это был переломный момент от отрочества к юности, тем более, что все ползали по полям сражений знаменитого Бородино. А начиналось все вполне пристойно: на Красной площади, у Мавзолея, новообращенная университетская поросль дала клятву студента, и Печки с друзьями тут же ринулись в пивную у Белорусской, в так называемые «Леса». Там все было обыденно, только всех поразил еще не окрепший Бляков, который, не допив и кружки, свалился под стол.

«Гаудеамус игитур!»

Текст 133

Трагедия друзей Печки состояла в том, что, будучи неталантливыми, они изо всех сил хотели и пытались стать хоть кем-то. Не вышло. И Полыханов, и Бляков, и просто хорошо знакомые Бояринов, Поцкий и невеста еще кто сгорали в потугах нарциссического пламени, но из честного пыхания выходил только пшик. И что еще более удивительно, талантливые Хазаров и Свиньонцо превратились в тех же, сгоревших. По-видимому, им просто надо было в свое время прикончить себя, истончив душу до маленьких, но емких книжечек. И встать в один ряд с Рыжим, Хорватом, Бородиным и Башлачевым. Они вполне были способны, могли. Но и не пытались. Не легла карта. Смерти не повезло за ламберным столом с судьбой.

И ушли они не в вечность, а в нечисть еще при жизни.

Впрочем, что это, как не данность. Грязь есть грязь, а цветок — цветок, который из нее растет. Окружение формирует суть. Все дело в том, что и Печки стал другим для них, и они — иными для него. И воспоминания — успешная порой попытка перенести волшебство прошлого в фантазмы настоящего и будущего. А так бывает только во снах наяву у больного мозгом увядающего, стареющего примата. Отсюда и раздражение к попыткам приблизить ставшими токсиками энергетических упырей. Кто-то почти небожитель, а кто-то уже зомби.

Проблему отношения к давним друзьям с их необоснованными творческими амбициями можно сравнить с позывами к дефекации. Да, редкие красивые и приятные на вкус ягоды были близки, и ты их съел, употребив всячески: и на вид, и на ощупь, и на запах, и на вкус. А теперь пора и куда-нибудь под куст — ибо как тогда прорастут их прекрасные семена?

И главный вопрос: почему так? Ответ: они предавали. И не раз. Самые близкие, самые вовлеченные, самые просвещаемые. Получается, они не друзья, а юзеры? Да, именно так. Брали — но не давали.

При этом любил ли Печкин Блякова? Конечно, любил. Любил ли Свиньонцо? Да, разумеется. Полыханова? Безусловно. Поэтому он их всех прощал. Но не простил. И осталось: исторгнуть. Эту любовь.

Текст 79

Печки квасил капусту, и за окном стеной пошёл дождь. Пришлось выпить водки. Заледенелой, под маринованный с перчиком огурец. Стало веселее. Потом со второй и третьей рюмками — ещё и ещё. А затем случились наслоения. И кого в этом винить? Печки, что ли? Погоду? Собаку, которая от любви не давала ему прохода? Локус, натащившую моркови, картошки и свёклы для винегрета? Израиль. Израиль надо винить целиком и полностью в том, что он так безобразно напился. Израиль сделал так, что он стал алколюбителем дорогих напитков. И что в тот день было выпито из его, Печки, обширного бара? Ну, как мы помним, первым шла водка, а вторым налил как бы сам собой «Джек Дэниелс» — в широкий хрустальный бокал, но безо льда, ибо великий Веничка завещал пить именно так.

И сознание его помутилось. Ведь за бурбоном в широкую глотку хлынула банка пива. Целиком.

Далее надо же было приготовить нарезку: мясной балычок, корейку, бастурму и многое другое — в обсыпке и без, с жирком, постное, вяленое, сушеное, копченое, ну и варёное, конечно, тоже: окорок, ростбиф, вкупе с докторской и любительской. А сыры? Сыры всякие — рокфор, бри, эдем и пармезан, голландский, датский, польский и, конечно, итальянский козий с трюфелями. Так он и ел все это потихоньку, смакуя и чередуя эти наслоения глотками пятилетнего сингл-мальт «Тамма». И попутно печатал свой шедевральный опус.

Он был такой же смесью настроений из воспоминаний.

Вместе с запахом молодой картошки, которую варила Локус, появились ароматы сентябрьской ночи Бородино, когда десять международных первого курса университета пошли отдать дань мужеству защитников батареи Раевского. Было темно, хоть и светили звёзды. И тут все, оступаясь, начали падать в какой-то окоп. Друг на друга. Свалился маленький Вознесенский — «Потеря», на него грузный Бояринов — «Воевода», следом — спортивный Печки, «Платон», за ними — долговязый Белко, «Жека» и так далее, все дружной кучей малой. Такое вот наслоение.

Никто не обиделся, все смеялись. В шепоте падающих листьев возвратились в лагерь. И все вскоре забылось. Все, да не все. Печки написал стихотворение «Бородино», уничтоженное, впрочем, Бочевером и его клоачной кликой. Отдельная история.

А сейчас Печки продолжает накачиваться «Миковым», ибо что, как не «Миков», идет следом за пятилетним скотчем. А потом «Джентльмен Джек», а за ним пиво. Но мы с вами этого уже не увидим, потому что становится темно. И не до чтения судеб.

Текст 122

Печаль. Полутонная боеголовка иранской ракеты попала в 7-этажный дом, не разорвавшись, строение рухнуло, погибли 4 человека. Весна; поют птицы, распускаются цветы, где-то пыль, грязь, кровь. Для Печки таким же разрушительным действием была первая женитьба. Эта супруга, нарциссистка, поганка, задушила Платона. А ведь он подавал большие надежды — своим талантом. Опустим причины соглашения о браке. О них в другом месте. Скажем лишь, что до штампа в паспорте Печки пел. И неплохо. Почти профессионально. Так, что его приятель Сычуша даже устроил ему съемку на телевидении — клипа, как сейчас бы определили.

В студии Платон встретил певицу, преподавателя училища Римского-Корсакова, которая тоже должна была исполнить русскую народную песню. Или нет — романс: «Отцвели уж давно хризантемы в саду». В кулуарах за декорациями разговорились. Приятная во всех отношениях женщина поведала Печки, что к ним на курс поступила очень странная девушка Жоанна, с беспокойным поведением. Печки сразу определил, что это Огузок, и передал ей свой пламенный привет.

Через некоторое время по почте он получает письмо, написанное нарочитыми каракулями, смысл которого можно передать следующим: «Ты — ебаное мясо, ноль. Сиди и молчи. Никшни. А не то...» Хорошо зная характер Огузок, Печки живо представил, как он будет хрипеть, будучи зарезанным ею. Да он и не собирался ничего такого...

Клип его на телевидении не прошел, потому что некая советская сволочь Лапин, увидев первым «Хризантемы», вызвал руководителя на ковёр и, топая на него своими короткими ногами, кричал на все коридоры: «Когда в последний раз вы пели комсомольские песни?!» Так что Печки зарезали, но в ином роде.

В другой раз он случайно встретил Огузок в лабиринте Останкино, и та бочком-бочком с хищной зубастой улыбкой близко подступила к нему:

— Ну что, ВЫ женились?

— Женился, женился, — произнёс, перехватив дыхание, Печки. — И даже ребенка завел.

— Ну ладно, — протянула Жоанна, — а то СМОТРИ...

В руке у неё блеснул циркуль. Печки поспешно, так же бочком, ретировался.

Так беспечально завершились их отношения, которые начались так радужно. Так повесенному!

Текст 93

Наступил черный зимний вечер. В тоннелях безлюдных улиц с нависающими от дождя ветками мандариновых и лимонных деревьев Печки вспомнил своих нищих знакомых поэтов — талантливых и почти бездарных. Они были как звезды над тучами — вечны и незыблемы, пусть и мертвы, непризнаны и недвижны в своем полете разлетающейся Вселенной. И Топырин, и Крикорьев и даже Польшанов — люди разной величины — всех их объединяло одно: бедность. Вот уж воистину — какими пришли, такими и ушли. Оставили после себя разное — и вечное ли? Печки с высоты своего гения не оценивал их, но жалел. И грубого лицом Топырина, и вонючего рыжего Крикорьева и, особенно, jumping jack попрыгунчика-краевода Польшанова. Они ушли, и мир не простился с ними. Через каких-нибудь 30 лет придет черед и Печки. Останутся груды рукописей. Квартиры и дома разграбят, как это сделали в свое время Бочаверы и Доманины. А купоны будут стричь, ладно сначала вдова, а потом и совсем неизвестные ему люди, дальние родственники. Поэтому сначала надо насладиться данностью, Dasein — купить коньяк или виски и пойти по направлению к океану. В фигуральном смысле. Но для начала в прямом — к Средиземному морю. Осветить его своей волшебной неземной аурой Апполона.

Были ли вакхи? Кто знает. Топырин и Крикорьев точно были. А Ясон и его золотое руно вдохновения? Навряд ли. А вот Польшанов — да. Он был. И в определенном смысле есть. Смерть. Она равняет прошлое с будущим. Она всегда где-то здесь и сейчас. Только Печки ее не видит. Но чувствует ее присутствие на вечной земле Израиля. Который, конечно же, тоже будет сметен новой формацией, как это случалось не раз, и, слава богу, Печки уже этого не увидит. А сейчас он идет с Локус в темноте аллеи, прихлебывая густой карибский ром прямо из горлышка: к чему серебро фляг и хрусталь бокалов? Ведь это за упокой нищих поэтов, бывших друзей, нынешних фантомов, которые остались шевелиться только в текстах. Пусть и выдуваемых январской стужей. Ведь в Иерусалиме сегодня всего лишь три градуса тепла.

Текст 83

Как-то раз поэт Коборуш, вспыхив, ударил мать-аббатису в лицо и выбил ей зуб. Гумозники разом возмутились и решили с ним разобраться, ведь она была членом их монахининского сообщества при трупке. В тот вечер они заседали у Печки на Академической. Коборуш, будучи директором издательского кооператива, быстро отреагировал: приехал на своем желтом Ferrari, подкатил к подъезду и при свете фар в вихре январской метели встал в свободную позу, поджидая заговорщиков. Свиньонцо, между тем, полный своей тихой мудростью, заблаговременно исчез в туалете. Пьяные гумозники выкатили толпой и остолбенели: Коборуш навел на них пистолет. «Какие проблемы?» — прозвучало в тон завываемым слепящим жгутам снега. Гумозные онанисты сникли и стушевались — никто не хотел получить пулю в лоб из-за какого-то зуба. «Ну то-то.» — сказал директор кооператива, спрятал ТТ, открыл багажник Ferrari и достал ящик водки. Веселье продолжилось.

Позднее он дал аббатисе сто долларов на фарфоровый зуб, который она поменяла впоследствии на клык из слоновой кости.

Все немедленно выпили, а Коборуш начал негодовать — какая-то сволочь написала в «Независимой газете» разгромную рецензию на его последнюю книгу. Это был Печки. Купив сборник эротических хокку и будучи истым любителем древней японской поэзии, он возмутился явной подделкой. И отчехвостил анонимных авторов. Фальшивка, как оказалось, была лишь талантливой шуткой и, естественно, издавалась только с целью заработать денег. Печки вынул из серванта экземпляр газеты и торжественно вручил ошарашенному поэту. Пока тот с открытым ртом намеревался наполнить воздух руганью, Платон упреждал его — «Это ж какая вам реклама была!» И точно — весь многотысячный тираж был распродан за неделю. Коборуш, секунду подумав, согласился. И снова все немедленно выпили.

Зародилась идея: кооперативщик был женат на дочери влиятельного чиновника из Управделами Президента и у него был доступ к благам верховной цивилизации. И Коборун предложил всей камарилье на завтра поехать на бывшую дачу никого иного, как сподвижника Сталина — Жданова.

Публика радостно взревела.

Текст 116

Из автобиографии Печки, собственноручно поднесенной первоапостолу Петру во время посещения оного Кейсарии Филипповой в 45 году нашей эры.

«Я — классический неудачник, лузер, никчемная личность во всеобщем понимании, пасынок фортуны. И дураку известно, что я люто ненавижу свой факультет МГУ, настолько, что даже подавал заявление об уходе и на 5-м курсе вообще не учился. Но армию я ненавижу еще больше, поэтому пришлось сдать все экзамены экстерном и защитить диплом. Кой черт я не перевелся на юрфак к деду, который был там зав. кафедрой и профессором! Недопетрил. Жена говорит — из меня бы вышел классный адвокат. Зато мне предлагали работу в КГБ. Я отказался. Быть стукачем в то время было запахло. Но многие, и я даже догадываюсь, кто, согласились. На самом деле даже Засурский был профессиональным разведчиком. Не знали? Теперь знайте. Также все, у кого родители были гэбистами, мне тоже известны. Мой родной дед, еврей, был майором НКВД. Не беспокойтесь, он политикой не занимался, охранял железную дорогу от бандитов. Хотя и служил какое-то время под началом Абакумова. Так что... Мы потомки сильных духом. И то, что сейчас творится — тому свидетельство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.